

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)“11/13” ББК 63.3 DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.001

С. Н. Келембет

Светловодск, Украина. stas.kelembet@gmail.com

КНЯЗЬЯ НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЕ: КОНЕЦ XII – НАЧАЛО XIV в.

В статье рассматривается вопрос о князьях, правивших в Новгороде-Северском после знаменитого Игоря Святославича — в период, о котором никаких сведений в летописях не сохранилось. Основным источником для исследования является Помянник Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, содержащий помянник князей Черниговских в списке более древнем, точном и полном, чем известный Любецкий синодик, использовавшийся в предшествующей историографии.

Ключевые слова: Новгород-Северский, Ольговичи, Введенско-Печерский помянник, Любецкий синодик, Хроника Великого княжества Литовского и Жмойтского

На протяжении всего XII в. Новгород-Северский являлся вторым по значению городом Черниговской земли. Столицей самостоятельного удела (волости)¹ Новгород-Северский, судя по всему, стал в 1097 г. Согласно решению Любецкого съезда, вся Черниговская земля (включая Муром и Рязань) была признана «отчиной» сыновей Святослава Ярославича († 1076), однако старший из них, Олег, в силу политической конъюнктуры вынужден был уступить Чернигов младшему брату Давиду², а сам удовольствовался частью Черниговской земли с главным центром в Новгороде-Северском³. Новгород-Северские князья XII в. хорошо известны по данным Киевского летописного свода. Последним из таковых был знаменитый Игорь-Георгий Святославич, занявший новгород-северский стол в 1180 г.⁴ В 1198 г., после смерти старшего двоюродного брата, Ярослава Всеволодовича, Игорь Святославич по праву родового старшинства перешел на княжение в Чернигов⁵. Событиями того же 1198 г. оканчивается Киевский свод [Бережков, с. 209–211], а в более поздних памятниках летописания, составленных за пределами Южной Руси (Среднего Поднепровья), совершенно никаких сведений о князьях Новгород-Северских уже не содержится.

¹ Следует отметить, что распространенные в историографии термины «удел», «удельный князь» для периода до XIII в. включительно не вполне корректны. Изначально они употреблялись только в Северо-Восточной (преимущественно Московской) Руси XIV–XVI в., тогда как в более ранних источниках княжеские владения обычно называются не уделами, а волостями. «Термин “волость” стал с середины XII в. обозначать преимущественно не крупное княжество (“землю”) в целом, а часть его территории, находящуюся под властью того или иного князя» [Горский, с. 9].

² Упоминается как князь Черниговский в 1099 и 1113 г. (ПСРЛ. М., 2001 [СПб., 1908]. Т. 2. Стб. 248, 274).

³ Этот факт устанавливается на основании сообщения 1151 г. о мире Святослава Ольговича, князя Новгород-Северского, с Изяславом Давидовичем, князем Черниговским: они договорились владеть каждый отчиной своего отца, соответственно Олега и Давида (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 613; [Бережков, с. 200].

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707–708; [Бережков, с. 209].

Впрочем, необходимо упомянуть и о другой точке зрения. В 1237/1238 г. Даниил Романович, князь Владимиро-Волынский, «възведе на Кондрата (князя Мазовецкого. — С. К.) литву, Миньдога, Изяслава Новгородского»⁶. Большинство исследователей не сомневались, что Изяслав был князем Новгородка-Литовского (совр. Новогрудок), то есть соседом Литвы и Мазовии [Карамзин, примеч. 346, стб. 128; Грушевский, с. 10, примеч. 1; Горский, с. 72–73]. Однако Н. Ф. Котляр выдвинул версию, согласно которой речь должна идти о князе Новгород-Северском, сыне и наследнике Владимира Игоревича, который якобы был тождественен Изяславу, не раз фигурирующему в Галицко-Волынской летописи на протяжении 1220–1250-х годов [Котляр, с. 98–101].

Полагаем, что согласиться с такой гипотезой вряд ли возможно. Во-первых, *единственное* указание на волость Владимира Игоревича в Черниговской земле, куда он бежал из Галича в 1208 г., определенно называет таковой не Новгород-Северский, а Путивль⁷. Во-вторых, весьма проблематично участие князя, чьи владения находились к востоку от Днепра, в походе на далекую Польшу. В-третьих, Изяслав Владимирович вряд ли стал бы предпринимать такой поход в интересах Даниила Романовича, который был давним врагом его семьи. Ведь хорошо известно, что еще при жизни Романа Мстиславича Игоревичи выступали претендентами на Галич, а в 1206 г. отняли власть у малолетних Романовичей. Однако галицко-волынская политика Игоревичей закончилась для них трагически: в 1211 г., после очередного вокняжения Даниила в Галиче, трое из них были повешены (!) местными боярами⁸. Н. Ф. Котляр писал, что «льстивый» Изяслав Владимирович Новгород-Северский, вассал Михаила Черниговского, вскоре после 1236 г. переметнулся на сторону его злейшего врага — Даниила. Однако в реальности Михаил в 1237/1238 г. вовсе не «утратил стратегическую инициативу», а княжил в Галиче и примерно тогда же овладел самим Киевом.

Исходя из сказанного, следует признать верной традиционную точку зрения, согласно которой Изяслав Новгородский был князем Новгородка-Литовского — непосредственным соседом Миндовга Литовского и Конрада Мазовецкого, вместе с которыми он и упомянут в летописи. Весьма вероятной представляется версия о том, что Изяслав даже был тестем Миндовга и что последний именно через этот брак, без всякого завоевания, унаследовал Новгородок-Литовский, ставший первой столицей Великого княжества Литовского [Семянчук, Шаланда, с. 32–35]. Что же касается Изяслава, действовавшего в Южной Руси, то имеются убедительные основания признать его сыном Мстислава Мстиславича Удатного [Горский, с. 20–24].

О том, что Новгород-Северский удел (волость) продолжал существовать и в XIII в., нам известно лишь из данных церковного помянника князей Черниговских. Этот ценнейший источник, составленный (отредактированный) в конце XV в., сохранился до нашего времени в составе двух весьма поздних рукописей. Основная из них — это помянник Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, начатый в 1654 г. (далее — Введенско-Печерский помянник, ВПП). В нем содержится раздел с поминанием князей Черниговских, который, очевидно, представляет собой копию соответствующего раздела из синодика Черниговского Елецко-Успенского монастыря. Другая сохранившаяся до наших дней редакция (значительно сокращенная) — это синодик Любецкого Антониевского монастыря, начатый в 1751 г. (далее — Любецкий синодик, ЛС). Хотя обе рукописи и имеют очень позднее происхождение, включенные в их состав списки князей Черниговской земли XI–XV в., как великих (собственно

⁶ Галицко-Волыньский літопис. Дослідження. Текст. Коментар. К., 2002. С. 98, 227. Мы склонны относить эти события к 1237, а не к 1238 г.

⁷ Там же. С. 78, 172.

⁸ Там же. С. 77, 80, 171, 177–178.

Черниговских), так и удельных, бесспорно, вобрали в себя поминальные записи, сделанные вскоре после смерти самих этих князей. Главную ценность для нас представляет более древний и полный ВПП, а ЛС, по сравнению с ним, практически не содержит дополнительных данных. Кроме того, в любецкой рукописи фиксируется целый ряд пропусков и явных ошибок, сделанных переписчиком XVIII в. (подробнее об этом см.: [Келембет, 2016]).

Итак, в ВПП по нашей теме содержатся следующие записи.

«Кн(з): [Фе]одора Мстислава Новгоро(д)ского, и Кн(я)гни его Матроны.

Кн(з): Мстислава Корачевского.

Кн(з): Константина Д(а)в(и)довича Новгородского. и С(ы)на его Тимофея. Кн(я)ся»⁹.

В ЛС вместо «Феодора Мстислава» ошибочно читается «Феодора мстиславича», а Мстислав Карачевский пропущен¹⁰.

Архиепископ Филарет (Гумилевский) полагал, что Феодор-Мстислав (именно так, а не Мстиславич, как в оригинале ЛС) и Константин были сыновьями Давида Ростиславича Смоленского, из которых первый «был в Новгороде 1164–1187 г. и скончался смоленским князем в 1230 г.» [Филарет, с. 42, примеч. 56]. Действительно, в 1184 г. княжеский стол в Новгороде Великом занял Мстислав Давидович, присланный отцом из Смоленска; он был изгнан новгородцами в 1187 г.¹¹ Мстислав Давидович, великий князь Смоленский, умер в 1230 г.¹² Его старший брат, Константин Давидович, в Новгороде никогда не княжил; он упоминается в 1197, 1212 г. и умер в 1218 г.¹³

Вполне очевидно, что в помяннике князей Черниговских под князьями Новгородскими могли иметься в виду только удельные правители Новгорода-Северского. Явная ошибка Филарета была указана Н. Д. Квашниным-Самариным, который отмечал: «О рождении Мстислава Федора Давыдовича упомянуто в летописи под 1193 годом, только не известно, об нашем ли идет речь, или о сыне Давыда Смоленского. Константин Давыдович почти несомненно сын Давыда Ольговича» [Квашнин-Самарин, с. 220]. Более категоричен был Р. В. Зотов: «Мы знаем по летописям, что в 1193 году родился Мстислав-Феодор. Это был сын Давида Ольговича, внук Олега Святославича Черниговского († 1204 г.) и правнук Святослава Всеволодовича († 1194 г.). Отчество следующего князя в Синодике, Константина, показывает, что и первый князь — Давидович, и что это именно упоминаемый в летописях Мстислав-Феодор, а не Феодор Мстиславич (как ошибочно указано в ЛС. — С. К.)» [Зотов, с. 102].

О рождении Мстислава-Феодора зимой 1193/1194 г. в Киевской летописи сообщается так: «Тое же зимы родися оу Д(а)в(и)два с(ы)нь. нарекоша въ кр(е)щ(е)нии Феодоръ. а княже Мъстиславъ»¹⁴. В историографии со времен Н. М. Карамзина преобладает мнение, что отцом новорожденного был Давид Ростиславич Смоленский ([Карамзин, примеч. 153, стб. 67; Бережков, с. 206] и др.). На первый взгляд, это довольно логично — принимая во внимание частоту упоминания указанного князя в летописи, а также существование Мстислава Давидовича Смоленского, умершего в 1230 г. Однако на самом деле два сына с именем Мстислав у Давида Ростиславича упоминаются значительно раньше 1193 г. Старший из них, князь Вышгородский Мстислав Давидович, умер еще в мае 1187 г.¹⁵ Тогда как его младший брат и тезка, тоже Мстислав

⁹ Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври / Упорядкування та вступна стаття О. Кузьмука // Лаврський альманах. К., 2007. Спецвипуск 7. С. 18.

¹⁰ Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Чернигов, 1902 (факсимильное издание). Л. 19.

¹¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3 [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950]. С. 37–39.

¹² ПСРЛ. М., 2004 [М.; Л., 1949]. Т. 25. С. 125.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 704; Т. 25. С. 109, 115.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 679; [Бережков, с. 206].

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 654–655; стиль мартовский, что подтверждает запись о солнечном затмении 4 сентября 1187 г. [Бережков, с. 203].

Давидович, с 1184 г. сидел в Новгороде Великом, откуда был изгнан осенью 1187 г.¹⁶ Поэтому рождение у Давида Ростиславича в 1193/1194 г. еще одного сына Мстислава (уже третьего!) представляется маловероятным. Кроме того, известно, что Давид Смоленский умер 23 апреля 1197 г. в возрасте 57 лет¹⁷, то есть в 1193/1194 г. ему было 54 или 53 года — а в таком возрасте дети у князей рождались весьма редко.

В то же время Киевская летопись сообщает, что в 1190 г. великий князь Киевский Святослав Всеволодович «ожени внука своего Д(а)в(и)да Олговича Игоревною»¹⁸. Это известие «идеально» позволяет признать отцом Мстислава-Феодора, родившегося зимой 1193/1194 г., именно Давида Ольговича. Таким образом, как и полагал Р. В. Зотов, летопись действительно подтверждает факт существования Мстислава-Феодора Давидовича, князя Новгород-Северского, который принадлежал к самой старшей ветви Ольговичей.

Князь Константин Давидович Новгородский (Новгород-Северский), несомненно, был младшим братом Мстислава-Феодора. Свое имя, согласно распространенному древнерусскому обычаю, он явно получил в честь деда — Олега II Константина Святославича, великого князя Черниговского (1201—1204). Ср. запись в ВПП: «Вели(к): Кн(з): Константина Олга, Черниговского, и С(ы)новъ его, Д(а)в(и)да, и Глѣба, и Александра»¹⁹. Заметим также, что Мстислав-Феодор и Константин Давидовичи по своей матери «Игоревне» были внуками Игоря-Георгия Святославича, длительное время (1180—1198) княжившего в Новгороде-Северском.

Н. Д. Квашнин-Самарин предполагал: «После того как Владимир Игоревич Северский и его братья овладели Галичем (1206 г. — С. К.), Новгород был, кажется, уступлен ими Черниговским за оказанную помощь. Заключаем это из того, что Владимир, по изгнании из Галича (1208 г. — С. К.), вернулся не в Новгород, а в Путивль, да и князья Мстислав и Константин были из другого племени» [Квашнин-Самарин, с. 220]. Но княжение Владимира Игоревича в Новгороде-Северском до 1206 г. — это не более чем произвольная догадка, которая достаточных оснований под собой не имеет. Квашнин-Самарин продолжает: «Дальнейшее преемство Северских можно определить только приблизительно, имея в виду, что этот город всегда должен был доставаться князю, занимавшему второе место по старейшинству. Таким образом после Владимира Игоревича в нем должны были сидеть: Глеб и Мстислав Святославичи, Давыд Ольгович (внук Святослава), Михаил Всеволодович Черного, Мстислав Глебович, и наконец Мстислав и Константин Давыдовичи. Так выходит по родовому счету» [Квашнин-Самарин, с. 221].

Следуя общей логике Н. Д. Квашнина-Самарина, список князей Новгород-Северских после Игоря-Георгия Святославича должен реконструироваться следующим образом²⁰: Олег-Константин Святославич (1198—1201) — Всеволод-Даниил Святославич Чермный (1201—1204) — Глеб-Пахомий Святославич (1204—1210/1212) — Мстислав-Пантелеймон Святославич (1210/1212—1215/1220) — возможно, Давид Ольгович (1215/1220 — не позже 1223) — Михаил Всеволодович (около 1220 — 1223) — Мстислав-Феодор Глебович (1223—1235). Однако тезис Квашнина-Самарина о том, что Новгород-Северский «всегда должен был доставаться князю, занимавшему второе место по старейшинству», является чистой теорией;

¹⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 37—39; мартовский стиль летоисчисления подтверждает запись о том же солнечном затмении [Бережков, с. 246].

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 702, 706; [Бережков, с. 208].

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 668; [Бережков, с. 206].

¹⁹ Поменник Введенської церкви... С. 17. В более позднем списке ЛС здесь дефектное чтение «Кон(с)та(н)тина О(л)го[вича]» (Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 17). На его основании в историографии возникли несколько ошибочных гипотез [Филарет, с. 38, примеч. 32; Квашнин-Самарин, с. 214—219; Зотов, с. 45—66; Горский, с. 12—13; Келембет, 2012].

²⁰ Краткий обзор великих князей Черниговских и хронологии их правления в период 1180—1246 г. см.: [Келембет, 2017, с. 3—6].

реально же он не всегда выполнялся даже в XII в. Следуя этому тезису, в «новгород-северский список» Квашнина-Самарина следовало бы включить и будущих великих князей Черниговских, которые правили после гибели Михаила Всеволодовича (1246) и принадлежали к *тому же поколению Ольговичей* — Всеволода IV Лаврентия Ярополчича и Всеволода V Симеона Владимировича (?) (см.: [Келембет, 2018, с. 82–85]). А это практически «не оставляет места» для новгород-северского княжения Мстислава-Феодора и Константина Давидовичей.

Более того, имеется прямое указание на то, что в первой четверти XIII в. сыновья Святослава Всеволодовича сохраняли те уделы, которые они получили, видимо, еще в конце XII в. А именно, в 1223 г. младший из Святославичей, Мстислав, называется не только обладателем главного стола в Чернигове (который он унаследовал всего несколько лет назад), но и князем Козельским²¹. Затем, похоже, Козельск закрепился в качестве наследственного удела и за потомками Мстислава-Пантелеймона²² — судя хотя бы по тому, что во второй половине XIII в. среди князей Козельских фиксируются характерные «родовые» имена Мстислав и Пантелеймон²³. В данном случае перед нами пример общерусской тенденции первой половины XIII в.: превращение волостей-уделов из временных владений, которыми младшие князья «наделялись» главой рода²⁴, в наследственные «отчины».

Судьба Новгород-Северского удела в конце XII — середине XIII в. нам представляется следующим образом. Игорь Святославич, перейдя в 1198 г. на черниговский стол, уступил Новгород-Северский двоюродному племяннику Олегу Святославичу — не только следующему по старшинству Ольговичу, но и собственному свату. По крайней мере, старший сын Игоря, Владимир, остался сидеть в Путивле, где он упоминается в 1185 и 1208 г.²⁵ Другой Игоревич, Олег-Павел, в 1223–1226 г. называется князем Курским, а за потомками старшего племянника Игоря, Святослава-Бориса Ольговича, похоже, закрепился удел Рыльский [Келембет, 2017, с. 7–10]. Наконец, старший сын Ярослава Всеволодовича, Ростислав, получил Сновск, где он упоминается в 1203 г.²⁶ В 1201 г. Олег Святославич, став главой рода Ольговичей, унаследовал Чернигов. Вполне возможно, что Новгород-Северский при этом он уступил следующему брату — Всеволоду Черному. Но после смерти Олега в 1204 г. этот удел, вероятнее всего, был передан Давиду Ольговичу — сыну и зятю бывших князей Новгород-Северских. Правда, в последний раз Давид упоминается еще 12 марта 1196 г., когда его «исъкоша» в одной из междоусобных битв²⁷ (очевидно, речь идет о тяжелых ранениях, иначе летописец прямо сообщил бы о гибели князя). Судя по тому, что в помяннике Давид Ольгович и его два брата записаны как «рядовые» князья, он не дождался своей очереди на черниговский стол, то есть умер не позже 1223 г., когда Чернигов унаследовал его младший двоюродный брат, Михаил Всеволодович. Мстислав-Феодор (род. 1193/1194) и Константин Давидовичи, которые по линии матери являлись внуками Игоря Святославича, княжили в Новгороде-Северском в первой половине — середине XIII в.

Судя по всему, еще одним сыном Давида Ольговича был Святослав, продолживший род князей Новгород-Северских. В ВПП, несколько ниже Мстислава-Феодора и Константина Давидовичей Новгородских, встречаем «Кн(з): С(вя)тослава Д(а)в(и)довича», а еще ниже —

²¹ Галицько-Волинський літопис. С. 86; ПСРЛ. Т. 25. С. 119.

²² Ср.: «Вели(к): Кн(з): Пантелеймона Мстислава Че(р)ниговского» (Поменник Введенської церкви... С. 17). В ЛС здесь дефектное чтение «Пантелимона Мстиславича» (Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 18 об.).

²³ В 1339 г. «убьень бысть князь Козельский Андрѣи Мѣстиславиць от своего братанича от оканного Василья Пантелѣва сына» (ПСРЛ. Т. 25. С. 172). Достаточно ясно, что рождение Мстислава и Пантелеймона Мстиславича (отца взрослого Василия) относится еще ко второй половине XIII в.

²⁴ Ср. характерный эпизод 1164 г.: Святослав Всеволодович, который вокняжился в Чернигове, уступив Новгород-Северский двоюродному брату Олегу Святославичу, тогда же обещал Олегу, что «брата ти надѣлю Игоря и Всеволода» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523–524).

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638; Галицько-Волинський літопис. С. 78, 172.

²⁶ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 419; [Бережков, с. 87].

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691; [Бережков, с. 207].

«Кн(з): Дмитрія Новгоро(д)ского пріємша Агг(є)лскій обра(з), С(вя)тославля.
Кня(ж)ну Марію.

Кн(з): Ивана Дмитровича Переславского.

Кн(з) Василієви Кн(я)гини Маріи»²⁸.

В сокращенном и дефектном списке ЛС Святослав Давидович пропущен. Также там не отмечены факт пострижения в монахи Дмитрия Новгородского и, что особенно важно, его отчество. Наконец, Мария в ЛС названа княгиней (не княжной), а вторая Мария — не Василиевой княгиней, а «Его», то есть Ивана Дмитриевича²⁹. Исследователи XIX в., знавшие лишь текст ЛС, склонялись к мнению, что Дмитрий Новгородский был сыном Мстислава Давидовича [Квашнин-Самарин, с. 222; Зотов, с. 113] — как теперь выясняется, ошибочно.

Святослав Давидович, вполне вероятно, тоже княжил в Новгороде-Северском после братьев Мстислава и Константина, где-то в середине XIII в. Нельзя исключать, что затем новгород-северский стол занимал еще Тимофей Константинович (поминается выше вместе с отцом, вероятно, только по крестильному имени). Впрочем, принять такие варианты можно лишь гипотетически, поскольку оба князя записаны без своих удельных прозваний. Дмитрий Святославич, постригшийся в монахи, наверняка был князем Новгород-Северским во второй половине XIII в.

Очень интересна запись в помяннике князя Ивана Дмитриевича Переяславского. В Северо-Восточной Руси действительно известен Иван Дмитриевич, князь Переяславля-Залесского, умерший в 1302 г.³⁰ Однако уже Р. В. Зотов отметил, что «весьма странно будет помещение его, не имевшего никакого отношения к Чернигову, в Синодике черниговских князей. Не упоминается в этой статье сын Дмитрия новгород-северского (см. № 47)? Переяславским-же он мог называться по владению не Переяславлем Залесским, а Переяславлем Русским, ныне уездным городом Полтавской губернии. Как мы увидим ниже (см. статью № 50), в первой половине XIV столетия Киев принадлежал Ольговичам, почему и в Переяславле Русском мог сидеть в то время князь этой линии Рюриковичей, так как этот город в XIV столетии считался в числе киевских» [Зотов, с. 114].

Факт правления в Киеве где-то на рубеже XIII–XIV в. князя из Путивльской линии Ольговичей несомненен. Об этом свидетельствует запись в ВПП (а также утраченном Северском синодике): «Кн(з): Ивана Путивльско(го), Стр(ас)тотерпца и чудово(р)ца оубитого о(т) тата(р) за хр(ис)тіяны.

Кн(з): Ивана. Володимера Ивановича, и Сестру его Кн(я)гну Єлену Кієвского, и Боярина Миха(и)ла Андреевича оупи(р)чка и С(ы)на Ивана Блуда.

Кн(з): Андрея Вручского, и С(ы)на Кн(з): Василя оубієного в Путивли»³¹.

Мы не видим причин не согласиться с Р. В. Зотовым, признавшим Владимира-Ивана Ивановича Киевского сыном Ивана Путивльского (Страстотерпца), внуком Ивана Романовича Путивльского (или кого-то из его братьев), правнуком Романа Игоревича († 1211) [Зотов, с. 115–116, 103–104]. Из записи помянника следует, что представители Путивльской линии вокняжились не только в Киеве, но и в одном из киевских «пригородов» Вручем (совр. Овруч).

²⁸ Поменник Введенської церкви... С. 18 (сохраняем разбивку оригинала на условные «абзацы», поскольку она имеет значение для правильного понимания текста). Отцом Святослава Давидовича мог быть как Давид Ольгович, так и, чисто теоретически, еще какой-то князь Давид (без отчества), записанный выше (Там же. С. 17), идентификация которого невозможна. Впрочем, учитывая отчество Дмитрия Новгородского «С(вя)тославля», его отца Святослава вполне логично признать сыном именно Давида Ольговича — тоже князя Новгород-Северского.

²⁹ Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 19 об.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486; [Бережков, с. 123].

³¹ Поменник Введенської церкви... С. 18. По свидетельству архиепископа Филарета (Гумилевского), в Северском синодике содержалась запись «кн. Иоанна Володимера Иоанновича кієвскаго и сестру его кн. Елену, кн. Андрея вручскаго и сына его кн. Василя убієннаго въ Путивли» [Филарет, с. 43, примеч. 61].

Произойти это, разумеется, могло лишь по воле правителя Орды³². А следовательно, нет ничего удивительного в том, что ордынский хан (Тохта³), передав Киев князьям Путивльским, примерно тогда же отдал левобережный Переяславль другому представителю черниговских Ольговичей — князю Новгород-Северскому. Судя по всему, таковым и был Иван Дмитриевич, записанный в помяннике князей Черниговских со своим более «престижным» титулом. Время его княжения не представляется возможным определить более точно, чем конец XIII — начало XIV в.

Стоит отметить, что вывод о существовании Новгород-Северского удела в середине — второй половине XIII в. вполне соотносится и с данными археологии. Согласно последним, Новгород-Северский, хотя и пострадал во время монгольского нашествия осенью 1239 г. (по крайней мере, были сожжены его окрестности [Черненко, с. 19–20]), после этого вовсе не пришел в состояние запустения. Археологические находки свидетельствуют, что жизнь продолжилась и в детинце, и на посаде города [Кедун].

Согласно официальной Хронике Великого княжества Литовского и Жмойтского (Расширенному, или Второму, летописному своду ВКЛ), написанной в 1510-х годах [Ясас, с. 209, 212, 220], последним князем Переяславльским был Олег, погибший в битве с великим князем Литовским Гедимином. Речь идет об известном рассказе о завоевании Гедимином Вольнской и Киевской земель. Сначала он якобы разгромил и убил князя Владимира Владимирского, после чего овладел г. Владимиром и остальной Вольнью, где посадил своих наместников; князь же Лев Луцкий бежал к своему зятю, Роману Брянскому. В следующем году Гедимин, выступив на Киев, на р. Ирпени под Белгородом разгромил коалицию русских князей: Станислава Киевского, Олега Переяславльского, Романа Брянского и Льва Луцкого. Лев и Олег в этой битве были убиты, а Станислав и Роман бежали в Брянск. После месячной осады Гедимину сдался Киев, затем киевские «пригородки» и, наконец, Переяславль. «И князь великий Гедимин, узявши Киев и Переяславль и вси тьи вышеиреченныи пригородки, и посадил на них князя Миндовгова сына Олгимонта, великого князя Олшанского». Что касается Станислава Киевского, бежавшего в Брянск, то его судьба сложилась неплохо: «прислал ему князь резанский Иван, будучи у старости своеи, просячи его, абы до него ехал и дочку у него понял, именем Олгу, бо сына не

³² В 1299 г. даже митрополит Максим бежал из Киева, «не терпя Татарьско[го] насилья... и весь Киевъ розбѣжался» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485; [Бережков, с. 122]). Е. В. Русина предполагает: «Возможно, воспользовавшись сложившейся ситуацией, путивльские князья именно в это время и утвердились в древней столице Руси» [Русина, с. 21, также с. 18]. Версия А. В. Кузьмина, по которой Владимир-Иван Иванович княжил в Киеве между 1352 и 1367 г., весомых оснований под собой не имеет (крайне сомнительный тезис о князе Федоре Киевском 1331 г. как брате Гедимины; признание реалистичности великого князя Михаила Ивановича Черниговского, упомянутого лишь в родословной Толстых конца XVI в. — см. об этом вопросе [Келембет, 2018а, с. 5–6]). Кузьмин считает князей Путивльских потомками не Романа Игоревича (как в предшествующей историографии), а Романа Михайловича Брянского (ум. после 1288) — хотя о принадлежности последнему южного Путивля ничего не известно. Вольнская летопись прямо называет Михаила старшим сыном Романа Брянского (Галицько-Волинський літопис. С. 128), тогда как в черниговском помяннике Михаил записан третьим из путивльских Романовичей (Поменник Введенської церкви... С. 18; Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Л. 19). Кроме того, Кузьмин «объединяет» в одно лицо князей Путивльских Ивана Романовича и его сына (?), Ивана Стратотерпца (отца Владимира-Ивана) [Кузьмин, 2005, с. 220–222].

Не менее экстравагантна версия Я. Кныша, основанная на выходной записи, помещенной на нижних полях первых листов рукописи конца XV — начала XVI в., содержащей текст Киево-Печерского патерика: «В 6825 (1317) / си / Патариць / при великомъ / князе / списано / быста / книга / Иване Даниловиче / и митрополите / Петре / Киевскийхъ». Я. Кныш полагает, что Иван Данилович был сыном (неизвестным по другим источникам) луцкого княжича Даниила Мстиславича (упоминается в 1280 г.), который «княжил в Киеве как наместник короля Юрия Львовича». А Иван-Владимир Иванович Путивльский будто бы сидел в Киеве уже после 1317 г. — «как служебный князь Льва Юрьевича» (Галицького) [Кныш, с. 263–268]. Эта версия сама по себе крайне малоубедительна, как и общий тезис о вхождении Киева в конце XIII — начале XIV в. в состав Галицько-Волинского государства. Но главное: Е. Л. Конявская доказала, что «выходная запись 1317 г.» является фальсификацией, приписанной в рукописи поздним почерком, не ранее XVII в. Источником же фальсификации, очевидно, было вымышленное сообщение Густынской летописи (компиляции XVII в.) о том, что в 1305 г. в Киеве вокняжился Иван Данилович Калита [Конявская, с. 32–33]. (Благодарю Е. Л. Конявскую за указание на статью, в которой рассмотрен данный вопрос).

мел, только одну дочку, и по смерти его, абы был великим князем резанским. И князь Станислав до него ехал, и дочку у него понял, и по смерти его был великим князем резанским»³³.

Вымысленность этого рассказа, в основном, была доказана еще во второй половине XIX в., а затем и современными исследователями (см. особенно: [Русина, с. 41–53 (тут же историография вопроса); Чамярыцкі, с. 53–62]). Однако в литературе имеется и точка зрения, согласно которой в основе рассказа лежали реальные исторические факты. Касательно нашей темы, еще Н. Д. Квашнин-Самарин писал: «То, что брат (? — С. К.) последнего Киевского Князя (Станислава. — С. К.) назывался Олегом, дает повод заключить, что и эти Князья были Ольговичи и, по всему вероятно, потомки Владимира Ивановича. Известно, что Мономаховичи гнушались этим вражбим именем, так как во всем их племени буквально не было ни одного Олега» [Квашнин-Самарин, с. 224]. В наше время Л. В. Войтович считает Станислава-Терентия (!)³⁴ Киевского братом Владимира-Ивана Ивановича, а Олега Переяславльскаго — братом Ивана Дмитриевича из Новгород-Северской ветви [Войтович, с. 415, 416]. Это вынуждает нас остановиться на вопросе о достоверности рассказа Хроники Литовской и Жмойтской более подробно.

«Факты», изложенные в рассказе о походах Гедимины на Русь, противоречат общеизвестным историческим реалиям первой половины XIV в. Прежде всего, Галицко-Волынское княжество, со столицей во Владимире, вплоть до 1340 г. существовало как полностью независимое от Литвы государство. Никакого князя Владимира Владимирского в этот период не существовало. Правда, еще в середине XIX в. К. Стадницкий предположил, будто бы Владимир — это второе имя Андрея Юрьевича, князя Владимирского († 1323) [Stadnicki, s. 20 и вклейка между s. 4 и 5], известного по нескольким латиноязычным актам (где его «основное» русское имя, чисто теоретически, могло быть и пропущено). Однако такая версия вряд ли имеет право на существование после того, как была опубликована копия (1462 г.) записи в рукописи, датированной 21 мая 1321 г.: «Въ лѣто 6[8]29 при благовѣрнѣмъ князи галицкумъ Илвѣ и Андрѣи, при воеводѣ коломыискумъ Ходку стулника Илвова...»³⁵. Упомянутый здесь Андрей — это, несомненно, Андрей Юрьевич Владимирский, старший брат Льва II Галицкого. Если бы Андрей носил еще второе, «княжеское» имя Владимира, то в кирилличном тексте, по общедревнерусской традиции, оно однозначно имело бы приоритет перед именем крестильным. Наконец, в записи 1321 г. Лев II конкретно назван князем Галицким, а не Луцким (как в Хронике). В состав его княжества, кроме Галича и Коломыи, входила еще и Перемышльская земля: об этом свидетельствует акт Юрия II Тройденевича (1323–1340), которым тот подтверждал пожалование своего дяди по матери, князя Льва («*avinculus meus Leo dux*»), на владения в указанном регионе³⁶.

³³ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 95 (Летопись Археологического общества), 152 (Летопись Рачинского), 179–180 (Ольшевская летопись), 200 (Румянцевская летопись), 221 (Еврейновская летопись). Тот же рассказ помещен и в так называемой Хронике Быховца (Третьем летописном своде ВКЛ), составленном в 1520-х годах (ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 136–137).

³⁴ Князь Терентий упоминается в работе архиепископа Филарета (Гумилевского), который в примечании к имени князя Ивана Путивльскаго отметил: «в кievскомъ (синодикѣ. — С. К.) послѣ кн. Иоанна и Маріи — “Терентій, Андрей, Феодоръ, Иоаннъ”» [Филарет, с. 43, примеч. 61]. Однако «киевский синодик» Филарета — это не что иное, как короткий конспект (одни имена) того же ВПП, сделанный в XIX в. для графа Румянцева, «в списке Румянцева № 387» [Филарет, с. 35, примеч. 19, с. 39, примеч. 34; Востоков, с. 573, 579]. В указанном фрагменте оригинального ВПП, «послѣ кн. Иоанна и Маріи», встречаем какого-то «Кн(з): Теретереви, оставившему бе(з) законную вѣру, и возлюбившему правовѣрную х(ристо)ву вѣру» (Поменник Введенської церкви... С. 18). Отсюда совершенно ясно, что загадочный «Терентій» появился лишь под пером писаря XIX в., который «прочитал» таким образом тюркское (половецкое) родоплеменное имя «Теретерий» (из этого половецкого рода, между прочим, происходила царская династия Тертеры (Тертеровци), правившая в Болгарии в 1280–1323 г.).

³⁵ *Соболевский А.* Русское известие о последних галицких Рюриковичах // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Петроград, 1917. С. 214–215.

³⁶ Латинский перевод этого акта с русского оригинала сохранился в составе Коронной метрики, см.: *Tęgowski J.* Okoliczności wstąpienia na tron halicko-wołyński Piasta mazowieckiego Bolesława Trojdenowicza (nieznane dokumenty ruskie z XIV wieku). Dodatek źródłowy // *Studia Podlaskie*. Białystok, 2009/2010. Т. XVIII. S. 325, nr 1 (упоминание о других пожалованиях Льва II в Перемышльской земле см. на s. 315).

Имена почти всех князей, которые фигурируют в рассказе Хроники Литовской и Жмойтской о походах Гедимины на Русь, находят параллели в заключительной части Галицко-Волынской летописи, где речь идет о событиях 70–80-х годов XIII в. «Прототипом» Владимира Владимирского явно был Владимир Василькович, князь Владимиро-Волынский († 1288); Льва Луцкого — Лев Данилович, князь Галицкий³⁷; Романа Брянского и Олега Переяславльского — Роман Брянский и его сын Олег (упоминаются в 1275 г.). Из Галицко-Волынской летописи, очевидно, заимствовано и имя Миндовга (Литовского) — якобы отца Ольгимунта Гольшанского, первого наместника Гедимины в покоренном Киеве. Единственный реальный персонаж 1320-х годов — это князь Иван (Ярославич) Рязанский († 1327). Однако сообщение Хроники о том, будто наследником Ивана в Рязани стал бывший князь Киевский Станислав — это уже полнейшая выдумка: хорошо известно, что после Ивана Ярославича в Рязани княжил его сын, Иван Коротопол († 1343)³⁸.

Остаются еще два персонажа: Станислав Киевский и Ольгимунт Гольшанский. Имя последнего позволяет выяснить, в каких именно аристократических кругах ВКЛ возник весь рассказ Хроники. Е. В. Русина, развивая мысль М. С. Грушевского, отмечает: «На сегодня исследователи белорусско-литовских летописей убедительно доказали, что их широкая редакция сложилась в кругах, непосредственно связанных с семьей Гольшанских, история которой тесно переплелась с историей Киевской земли... отсюда и стремление возвысить свой статус при помощи генеалогической легенды, в которой киевским князем с начала литовского господства выступает их предок. ...Что же касается Станислава, то, очевидно, это достаточно редкое для восточнославянского ономастикона имя не является лишь вымыслом анонимного белорусско-литовского книжника, как считал О. Прицак; в нем, скорее, угадывается переключенное имя брата Льва Даниловича — Мстислава... Итак, неизвестным нам книжником все эти вполне исторические личности были превращены в современников и противников Гедимины, а их родственная солидарность (Владимир Василькович приходился Даниловичам двоюродным братом, а его женой была дочь Романа Брянского), которая хорошо прослеживается по летописному материалу, — в совместные действия в борьбе с великим князем литовским» [Русина, с. 52–53].

Тем не менее аргументы Е. В. Русиной не убедили Л. В. Войтовича, который категорично утверждает: «Все сомнения относительно существования Станислава безосновательны. Сам князь записан в перечне “ктиторов и опекунов монастыря Печерского” А. Кальнофойского, а его сын — в Любецком помяннике. Такие тройные совпадения просто исключены. ...Если существование князя Станислава несомненно — отпадают основания для сомнений в существовании князя Олега» [Войтович, с. 415–416].

В сочинении Афанасия Кальнофойского, в конце раздела «Патроны светские места святого Печерского светлейшие князья Киевские», упомянуты следующие лица:

«Михаил Великий Князь Черниговский.

Сенатор того же Князя Феодор.

Мстислав Князь.

Евстафий Князь.

Станислав Князь.

Иван (Jan) Васильевич, Царь (Car) великий, Князь Московский и всей Руси; а в монашестве... Иона.

³⁷ Именно так интуитивно считал уже автор Густынской летописи — компиляции XVII в.: здесь сообщается, что в 1304 (!) г. «Гедиминь, князь Литовский, порази Льва Даниловича Луцкого и Володымера Василковича Волынского, и самого уби, и Володымерь градъ взятъ», а в следующем 1305 г. разбил Станислава Киевского, Льва Луцкого, Романа Брянского и захватил Киев (ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 128).

³⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 168, 172, 175.

Иван сын Ионы монаха, Царь (! — С. К.), Великий Князь Московский и всей Руси»³⁹.

Интересующий нас фрагмент А. Кальнофойский действительно заимствовал из монастырского помянника. А именно, в ВПП содержится раздел «Поминаніе Великих Кн(я)зей Чернѣго(в)ски(х) Бл(а)же(н)ны(х) Ктїторов С(вя)тѣя Обители Ца(р)скія Кїєво Печерскія». В его начале записаны такие имена:

«Вели(к): Кн(з): Мстислава, Нареченного Константина.

Кн(з): Евстафія:

Кн(з): Станислава:

Кн(з): С(вя)тослава:» (далее еще 7 лиц, в Чернигове никогда не княживших)⁴⁰.

Похожий раздел содержался в синодике Киево-Николаевского монастыря: «(Родъ) велики(х) кн(я)зей Черниговски(х), кн(я)зя Мстислава, кн(я)зя Евстафія, кн(я)зя Михаила, Болярина Феодора, кн(я)зя Станислава, кн(я)зя Святослава...»⁴¹. Совершенно очевидно, что здесь имеются в виду: первый князь Черниговский (из династии Рюриковичей) Мстислав Владимирович († 1036), его сын Евстафий († 1033)⁴², а также младшие братья Мстислава — Станислав и Святослав Владимировичи, имена которых наверняка были заимствованы из летописи. Таким образом, у А. Кальнофойского между Михаилом Черниговским и Иваном Грозным записаны вовсе не киевские князья первой половины XIV в. (такowymi Л. Войтович считает Евстафия и Станислава), а два сына Владимира Великого.

Что касается поминовения князя Ивана Станиславича в ЛС, то этот аргумент в пользу существования Станислава Киевского должен отпасть после публикации (в 2007 г.) Введенско-Печерского помянника — более древнего, точного и полного, чем любецкая рукопись. Если в ЛС запись «Кн(з) Иоана станѣславича» помещена сразу после князя Семена Крошинского⁴³, то в ВПП после указанного Семена встречаем еще князя Романа и княгиню Евпраксию «Кн(з): Ивановы, *си(т)славича*»⁴⁴. Наверняка речь идет о жене или дочери «Кн(з): Ивана С(вя)тославича», который записан в ВПП несколько выше, среди князей второй половины XIV — начала XV в.⁴⁵, а в ЛС пропущен. Принимая во внимание уникальное сочетание имени и отчества, вряд ли могут быть сомнения, что здесь имеется в виду князь Иван Святославич Смоленский, упоминающийся в ВКЛ на протяжении 1403—1422 г. (о нем см.: [Кузьмин, 2014, с. 155—156]). Как видим, князь Иван Станиславич в ЛС появился вследствие ошибки переписчика XVIII в. А следовательно, никаких сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу существования Станислава Киевского и вообще достоверности рассказа о походах Гедимины не существует.

Все эти наблюдения вполне согласуются и с характером сочинения 1510-х годов, в котором впервые появился рассказ о походах Гедимины, — Хроники Великого княжества Литовского и Жмойтского. По словам видного исследователя литовско-русских (белорусских) летописей, В. А. Чамярыцкого, она была написана «с чрезвычайно широким, как никогда ранее в белорусско-литовском летописании, смелым использованием литературного вымысла. Без этого никак нельзя было обойтись, ибо легенду надо было наполнить, так сказать, плотью и кровью»; «Стремясь возвысить собственно Литву, показать ее прошлое в наиболее привлекательном виде, но не имея достаточно письменных и устных источников о далеком прошлом своей страны, литовский хронист

³⁹ *Kalnofoyski Athanasius*. ТЕРАТОУРГНМА lubo CUDA ktore byly tak w samym swietocudotwornym monastyrze Pieczarskim Kiiowskim... Z Drukarni Kiiowopieczarskiey, Roku P. 1638. S. 58—59.

⁴⁰ Поменник Введенської церкви... С. 31.

⁴¹ *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. С. 578.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150.

⁴³ Синодик Любечкого Антониевского монастыря. Л. 20 об.

⁴⁴ Поменник Введенської церкви... С. 19.

⁴⁵ Там же. С. 18.

так или иначе фальсифицировал историю. Ценные же известия Галицко-Волынской летописи он использовал очень произвольно, ибо они, видимо, ни хронологически, ни по содержанию не совсем подходили для его исторической концепции. Поэтому данный им очерк происхождения литовских князей и ранней истории Великого Княжества Литовского не имеет ничего общего с действительностью и требует строгого критического подхода» [Чамярыцкі, с. 55, 57].

«В Хронике проводится идея преобладания собственно Литвы над славянской Русью и принципиально другая, чем в Белорусско-литовской летописи 1446 г., историческая концепция. Хронист видел в истории Великого Княжества Литовского только историю собственно Литвы, а само государство не литовско-славянским, а исключительно литовским по своему национальному характеру. Даже в официальном названии он слово “Русское” заменил на “Жмойтское»; «Так, легендарная, выдуманная история Литвы от Палемона до Гедимины, собственно “Хроника Великого Княжества Литовского и Жмойтского”, фактически является не историографическим, а литературно-публицистическим произведением» [Чамярыцкі, с. 57–58, 61].

Подводя итог сказанному, следует однозначно констатировать: никакого князя Олега Переяславльського, происходившего из Новгород-Северской ветви черниговских Ольговичей (как и Станислава Киевского из Путивльской ветви), никогда не существовало.

В заключение приводим список князей, правивших в Новгороде-Северском с 1198 г. по рубеж XIII–XIV в.:

- Олег-Константин Святославич (1198–1201);
- ? Всеволод-Даниил Святославич Чермный (1201–1204);
- ? Давид Ольгович (1204 – не позже 1223);
- Мстислав-Феодор Давидович (первая половина – середина XIII в.);
- Константин Давидович (середина XIII в.);
- ? Святослав Давидович (середина XIII в.);
- ? Тимофей Константинович (вторая половина XIII в.);
- Дмитрий Святославич (вторая половина XIII в.);
- Иван Дмитриевич, также князь Переяславльський (конец XIII – начало XIV в.).

Литература

- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Войтович Л.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006.
- Востоков А. [X.]* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
- Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016.
- Грушевський М.* Історія України-Руси. К., 1993. Т. IV.
- Зотов Р. В.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. I. Т. III. Примечания.
- Квашнин-Самарин Н.* По поводу Любецкого синодика // ЧОИДР. 1873. Кн. IV. М., 1874. С. 213–226.
- Кедун І. С.* Післямонгольський Новгород-Сіверський за матеріалами археологічних досліджень // Література та культура Полісся. Серія: Історичні науки. 2015. Вип. 79. С. 3–8.
- Келембет С.* Рюрик-Костянтин Ольгович – загадковий чернігівський князь XIII століття // Сіверянський літопис. 2012. № 1–2. С. 3–10.
- Келембет С.* Пом’яники (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело // Сіверянський літопис. 2016. № 6. С. 19–37.
- Келембет С.* Олег-Павло Ігоревич, князь Курський та великий князь Чернігівський // Сіверянський літопис. 2017. № 4. С. 3–13.

- Келембет С. Н. Великие князья Черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.) // *Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы*. Минск, 2018. Вып. 11. С. 72–113.
- Келембет С. Чернігівські бояри монгольського періоду // *Сіверянський літопис*. – 2018. – № 3. С. 3–9.
- Книш Я. Невідомий київський князь першої чверті XIV століття // *Княжа доба: історія і культура*. Львів, 2012. Вип. 6. С. 261–268.
- Конявская Е. Л. Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006. № 1 (23). С. 32–45.
- Котляр М. Ф. Загадковий Ізяслав з Галицько-Волинського літопису // *Український історичний журнал*. 1991. № 10. С. 95–102.
- Кузьмин А. В. Источники XVI–XVII вв. о происхождении киевского и путивльского князя Владимира Ивановича // *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зимина*. М., 2005. Ч. 2. С. 220–223.
- Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1.
- Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі. К., 2005.
- Семянчук Г., Шаланда А. Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1999. Nr 11. S. 18–44.
- [Филарет, архиепископ Черниговский]. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874. Кн. V.
- Чамярыцкі В. А. Жывыя сведкі далёкай мінуўшчыны // *Летапісы і хронікі Вялікага княства Літоўскага XV–XVII стст*. Мінск, 2015. С. 4–77.
- Черненко О. Є. Жіночі ювелірні прикраси з розкопок «княжого терему» в Новгород-Сіверському // *Сумська старовина*. 2011. № XXXIII–XXXIV. С. 19–26.
- Ясас Р. Хроніка Быхаўца і яе паходжанне // *Беларускі гістарычны агляд*. 2017. Снежань. Т. 24. Сшыткі 1–2 (46–47). С. 183–220.
- Stadnicki K. Synowie Gedymina. Lwów, 1853. Т. 2.

References

- Berezhkov, N. G. Hronologija russkogo letopisanija [The Chronology of Russian Chronicles]. М., 1963.
- Chamjarycki, V. A. Zhyvujja svedki daliokaj minuushchyny [Living Witnesses of the Distant Past]. In *Letapisy i hroniki Vjalikago knjastva Litovskago XV–XVII stst*. Minsk, 2015. P. 4–77.
- [Filaret, arhiepisop Chernigovskij]. Istoriko-statisticheskoe opisanije Chernigovskoj eparhii [The Historical and Statistical Description of the Chernigov Diocese]. Chernigov, 1874. Vol. 5.
- Gorskij, A. A. Russkie zemli v XIII–XV vekah: puti politicheskogo razvitija [Russian Lands in the 13th – 14th Centuries: the Ways of the Political Development]. SPb., 2016.
- Grushevs'kyj, M. Istorija Ukrainy-Rusy [The History of Ukraine-Rus']. Kyiv, 1993. Vol. 4.
- Karamzin, N. M. Istorija gosudarstva Rossijskogo [The History of the Russian State]. SPb., 1842. Vol. 1. Т. 3: Primechanija.
- Jasas, R. Hronika Byhawca i jae pahodzhanne [The Chronicle of Bykhovets and Its Origin]. In *Belaruskі gıstaryczny agljad*. 2017. Snezhan'. Vol. 24. № 1–2 (46–47). P. 183–220.
- Kelembet, S. Rjuryk-Kostjantyn Ol'govych – zagadkovyj chernigivs'kyj knjaz' XIII stolittja [Rurik-Konstantin Olgovych – a Mysterious Chernigov Prince of the 13th Century]. In *Siverjans'kyj litopys*. 2012. № 1–2. P. 3–10.
- Kelembet, S. Pomyannyky (synodyky) knjaziv Chernigivs'koi zemli jak istorychne dzherelo [Pomyannyks (Synodics) of Princes of the Chernigov Land as a Historical Source]. In *Siverjans'kyj litopys*. 2016. № 6. P. 19–37.
- Kelembet, S. Oleg-Pavlo Igorevych, knjaz' Kurs'kyj ta velykyj knjaz' Chernigivs'kyj [Oleg Paul Igorevych, Prince of Kursk and the Grand Prince of Chernigov]. In *Siverjans'kyj litopys*. 2017. № 4. P. 3–13.

- Kelembet, S. N. Velikie knjaz'ja Chernigovskie: mongol'skij period (1246–1372) [Great Princes of Chernigov: Mongolian Period (1246–1372)]. In *Studia historica Europae Orientalis. Issledovanija po istorii Vostochnoj Evropy*. Minsk, 2018. Vol. 11. (in print).
- Knysh, Ja. Nevidomyj kyivs'kyj knjaz' pershoi chverti XIV stolittja [An Unknown Kyiv Prince of the First Quarter of the 14th Century]. In *Knjazha doba: istorija i kul'tura*. L'viv, 2012. Vol. 6. P. 261–268.
- Konjavskaja, E. L. Drevnejshie redakcii Kievo-Pecherskogo paterika [The Oldest Version of the Kiev-Pechersk Paterik]. In *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. 2006. № 1 (23). P. 32–45.
- Kotljars, M. F. Zagadkovyj Izjaslav z Galyc'ko-Volyn'skogo litopysu [Mysterious Izyaslav from the Galicia-Volyn Chronicle]. In *Ukrains'kyj istorychnyj zhurnal*. 1991. № 10. P. 95–102.
- Kuz'min, A. V. Istochniki XVI–XVII vv. o proishozhdenii kievskogo i putivl'skogo knjazja Vladimira Ivanovicha [Sources of the 16th – 17th Cent. about the Origin of Kiev and Putivl Prince Vladimir Ivanovich]. In *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Problemy istochnikovedenija. XVII Chtenija pamjati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto. IV Chtenija pamjati doktora istoricheskikh nauk A. A. Zimina*. M., 2005. Pars II. P. 220–223.
- Kuz'min, A. V. Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii vojenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoj Rusi v XIII – seredine XV v. [On the Way to Moscow. Essays on the Genealogy of the Military Nobility of North-Eastern Russia in the 13th – the Middle of the 15th Cent.]. M., 2014. Vol. 1.
- Kvashnin-Samarin, N. Po povodu Ljubeckogo sinodika [Regarding the Lyubetsky Synodic]. In *Chtenija v Imperatorskom Obshhestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete*. 1873. M., 1874. Vol. 4. P. 213–226.
- Rusyna, O. Studii z istorii Kyjeva ta Kyivs'koi zemli [Studies on the History of Kyiv and the Kyiv Land]. Kyiv, 2005.
- Semjanchuk, G., Shalanda, A. Da pytannja ab pachatkah Vjalikago knjastva Litovskago w sjarjedzine XIII st. (jashchje adna versija kanstrujavannja minuvschchyny) [On the Question of the Beginnings of the Grand Duchy of Lithuania in the Middle of the 13th Cent. (Another Version of the Construction of the Past)]. In *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1999. № 11. P. 18–44.
- Stadnicki, K. Synowie Gedymina [The Sons of Gedymin]. Lwów, 1853. Vol. 2.
- Vojtovych, L. Knjazha doba: portrety jeliti [Princely Era: Portraits of the Elite]. Bila Cerkva, 2006.
- Vostokov, A. [H.] Opisanije russkikh i slovenskikh rukopisej Rumjancevskogo muzeuma [The Description of Russian and Slovenian Manuscripts of the Rumyantsev Museum]. SPb., 1842.
- Zotov, R. V. O Chernigovskikh knjaz'jach po Ljubeckomu sinodiku i o Chernigovskom knjazhestve v tatarskoe vremja [About the Chernigov Princes in the Lyubetsky Synodic and the Chernigov Principality in the Tatar Time]. SPb., 1892.

Stanislaw N. Kelembet
Svetlovodsk, Ukraine

PRINCES NOVGOROD-SEVERSKY:

THE END OF THE 12th – THE BEGINNING OF THE 14th CENTURY

The article deals with the issue of princes who ruled in Novgorod-Seversky after the famous Igor Sviatoslavich – in a period about which no information has been preserved in the chronicles. The main source for the study is the Pomiannik of the Vvedenskaya Church in the Near Caves of the Kiev-Pechersk Lavra, containing the commemoration of the princes of Chernigov in the list more ancient, precise and complete than the known Lyubetsky Synodic used in the preceding historiography.

Keywords: Novgorod-Seversky, Olgovichi, Vvedensk-Pechersk Pomiannik, Lyubetsky Synodic, Chronicle of the Grand Duchy of Lithuania and Zhmoitsky